

Кондратьев Сергей Витальевич

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, skondratiev@utmn.ru

Митюрёва Дарья Сергеевна

ассистент кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, d.s.mityuryova@utmn.ru

**ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ МЕЖДУ РЕФОРМАЦИЕЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ: ИСТОРИЯ ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00581 «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

В 2015 г. во всем мире отмечали 800-летие Великой хартии вольностей: в очередной раз ее статьи, их значение и осмысление в разные исторические периоды были актуализованы в исследовательской повестке. В большом количестве изданных научных работ выделяются своей добросовестностью два исследования. Первое — книга Д. Карпентера, которая включает новый перевод Великой хартии на английский язык, подробный анализ всех ее статей, а также разбор коллизий XIII в. [Carpenter, 2015]. Второе — монография Дж. Бейкера из Кембриджского университета, посвященная воспроизведению Великой хартии в Средние века и в раннее Новое время [Baker, 2017].

У текстов есть своя рецепционная жизнь. Периоды, когда тексты спят, сменяются периодами, когда различные причины возвращают их в действующий статус. История хранит множество таких примеров: создание в Средние века «Герметического корпуса» из древних текстов, авторство которых приписывают Гермесу Трисмегисту; обращение в эпоху Реформации к Священному Писанию

как к первоисточнику религиозных истин; тезис М.С. Горбачёва, прозвучавший в начале перестройки, о необходимости правильно прочитать В.И. Ленина и вернуться к сформулированным им идеалам социализма и пр.

Великая хартия вольностей была типичным и в то же время нетипичным документом для Средних веков. Типичным, потому что медиевисты находят многочисленные подобные документы по всей Европе XII — начала XIII в. «Английский случай отличается от испанских, венгерских и южно-французских аналогов тем, что Великая хартия вольностей накладывала на правителя более радикальные и детальные рестрикции, которые были вызваны беспрецедентными военными поражениями, территориальными потерями, беспримерными жестокостями и невероятными финансовыми поборами» [Кондратьев, 2019. С. 185]. В Англии и до принятия Великой хартии вольностей существовала традиция подобных фиксаций и достаточно четкие представления о границах королевской власти. Еще в 1972 г. А.Я. Гуревич в «Категориях средневековой культуры» подчеркнул, что в 1215 г. были зафиксированы право и обязанность баронов «теснить короля с оружием в руках», что вполне соответствовало «пониманию отношений короля и его вассалов» [Гуревич, 1984].

Подавляющее большинство российских исследователей знает Великую хартию вольностей в переводе Д.М. Петрушевского. Классический перевод, напечатанный параллельно с латинским текстом 1215 г., был опубликован в «Памятниках истории Англии XI–XIII вв.» в 1936 г. Но редакцией 1215 г. англичане не пользовались до XVIII в. Они обращались к более краткой и менее радикальной хартии Генриха III, дарованной в 1225 г. Текст 1215 г. даже на статьи был впервые разделен У. Блэкстоном только в середине XVIII в. При том, что текст 1225 г. был разделен на 37 статей уже к концу XIII в.

Долгое время в историографии бытовало мнение, с которым и сейчас можно столкнуться в университетских аудиториях, что Великая хартия была надолго забыта. Это не вполне соответствует истине — парламент в начале правления

практически каждого монарха подтверждал редакцию 1225 г. К началу XVII в. таких подтверждений насчитывается около 30. В некотором забвении Великая хартия пребывала только в эпоху Ланкастеров и Йорков. Но лишь в некотором: ее действительно не использовали в качестве политического инструмента, но и в этот период она продолжала жить в юридических подворьях, иннах, лекциях юристов и сочинениях правоведов.

Хартия — это статут. Поскольку было много подтверждений, то Великую хартию вольностей воспринимали как первый и по хронологии, и по значимости статут. При этом в расчет не берется то, что парламент появился в середине или скорее даже в конце XIII в. С началом эпохи книгопечатания вошло в практику издание — сначала на латинском, позднее на английском языке — собрания статутов. Все эти сборники открывались Великой хартией. Знаменитый второй том «Институций» Э. Кока также открывается Великой хартией и ее пространными комментариями.

Краеугольной проблемой долгое время в Средние века и затем в раннее Новое время являлось соотношение властных прерогатив и свобод подданных. Поэтому уже в подтверждении Хартии 1354 г. был сформулирован принцип, что власть должна править в соответствии с надлежащим процессом права «*due process of law*». В 1470 г. у сержанта У. Кетсби можно прочесть, что английское право существует столько, сколько существует мир (*coeval with the world*). То же самое, но более пространно, писал знаменитый ланкастерский юрист и канцлер Дж. Фортезкью в «Похвале законам Англии» (*“De laudibus legume Angliae”*, 1470).

Таким образом, английское общее право накануне Нового времени воспринималось как вечное, совершенное, нерукотворное и уходящее своими корнями во времена, которые не остались в человеческой памяти. Оно восходит к законам древней Трои. Их принес в Британию легендарный потомок троянцев Брут, и они, следовательно, древнее и совершеннее римского права. Своей перфекции древнее право достигло в законах предпоследнего англосаксонского

короля Эдуарда Исповедника. В этой мифической истории неизбежные цезуры в правовом континуитете Англии, вызванные вторжениями на остров, были, по мнению правоведов и антиквариев, недолгими, поскольку совершенство завоеванного права побуждало завоевателей к его восстановлению.

После нормандского завоевания 1066 г. незапамятное общее право было якобы возрождено уже в 1100 г. коронационной хартией Генриха I и затем подтверждено в аналогичных хартиях Стефана Блуаского (1135), Генриха II (1154), а также в королевских пожалованиях Великой хартии Генриха III (1225, 1237), знаменитом статуте Мальборо (1267), который придал Великой хартии статус парламентского акта, и статутом (*Confirmatio Cartarum*) Эдуарда I (1297). Позднее в XIII в., уже после принятия Великой хартии, предположительно при Эдуарде I, появляется текст «О королевской прерогативе» (*De Prerogativa Regis*), который во второй половине XVI — начале XVII в. будет считаться статутом и публиковаться в собрании статутов, т.е. актов, законов парламента.

Реформация в известной мере заставила вновь заговорить о значимости Великой хартии. Разрыв с Римом означал не только конфискацию имущества, закрытие монастырей и верховенство в церковных вопросах. Он породил чрезвычайный интерес к национальной истории. В дальнейшем этот интерес отчасти будет опираться на богатство монастырских библиотек и хранящиеся в них рукописи, которые найдут своих коллекционеров в лице, например, архиепископа Кентерберийского М. Паркера или антиквария Р. Коттона. Тогда начнут заново учить англосаксонский язык и искать идентичность в донормандских государственных традициях. Т. Ламберт в 1567 г. издаст кодексы англосаксонских королей, и Великая хартия вольностей займет свое почетное место в ряду мифологизированной истории.

Не менее активно к Великой хартии прибегали и в политической полемике. Пуритане использовали ее в своей борьбе с Высокой комиссией, Э. Кок и многие другие — против Унии. Хартия стала символом неприятия самой возможности

изменения королевской властью древних правовых традиций. В качестве примера можно привести и высказывания Р. Снега и Ф. Эшли о том, что прерванное нормандцами право окончательно возродилось в 1225 г. в Великой хартии. Положения Петиции о праве 1628 г., отказ Дж. Гемпдена платить «корабельные деньги» также призваны продемонстрировать то, что принудительные займы и произвольные аресты нарушают Великую хартию, а значит и незыблемые законы королевства.

Таким образом, к началу революции существовали четкие представления о разных элементах государственности, которые считались правильными и истинными, уходящими вглубь веков, которые требуют защиты, в случае посягательства на них с какой бы то ни было стороны. Издание трактатов Р. Снега в годы революции, переиздания сочинений Э. Кока, постоянная апелляция У. Принна к тексту Великой хартии вольностей говорят о том, что правовая аргументация оппонентов власти, наряду с религиозной, была очень важной составляющей. Она ставила их на легитимную почву.

Литература

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Кондратьев С.В. Великая хартия вольностей — 800 лет адаптации к новому, или как ее использовали защитники свобод (по поводу книги «Великая хартия вольностей: история, контекст и влияние») // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (46). С. 184–188.

Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Carpenter D. Magna Carta: With a New Commentary. New York: Penguin Classics, 2015.